

УДК 821.161.1-3(Карамзин Н. М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44

ГСНТИ 16.21.33; 17.82.10

Код ВАК 10.01.01; 10.02.19

А. Н. Кудреватых  
Екатеринбург, РоссияA. N. Kudrevatykh  
Ekaterinburg, Russia**ОБРАЗ МАРФЫ-ПОСАДНИЦЫ  
КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА  
В ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА  
«МАРФА-ПОСАДНИЦА,  
ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА»****THE IMAGE OF MARFA THE MAYORESS  
AS A POLITICAL LEADER  
IN THE STORY “MARFA THE MAYORESS,  
OR THE FALL OF NOVGOROD”  
BY N. M. KARAMZIN**

**Аннотация.** Анализируется повесть Н. М. Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода». Рассматривается образ Марфы Борецкой как политического лидера. Особо оговариваются расхождения между трактовкой одних и тех же событий в историческом сочинении («Истории государства Российского») и повести. По мнению ряда исследователей, в повести Марфа одерживает моральную победу, хотя и терпит политическое поражение. Особое внимание уделено ее речи, обращенной к народу. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что героиня использует в своей речи приемы демагога, в то время как ее противник обращается к доводам разума и логики. Этим объясняется поражение Марфы в борьбе с царем Иоанном.

**Abstract.** The story “Marfa the Mayoress, or the Fall of Novgorod” by N.M. Karamsin is analyzed. The image of Marfa Boretskaya is the image of a political leader. The difference of interpretation of the same events in the historical novel (“History of the Russian State”) and the story (“Marfa the Mayoress, or the Fall of Novgorod”) are pointed out. Many scholars say that Marfa gains a moral victory in the story, although suffers political defeat. Special attention is paid to her address to people. The analysis makes it possible to conclude that Marfa uses demagogue tricks while her opponent appeals to common sense and logic. This explains the defeat of Marfa in her struggle against Tsar Joann.

**Ключевые слова:** Карамзин; повесть; демагогия; Новгород; война; народ.

**Key words:** Karamsin; story; demagogue; Novgorod; war; people.

**Сведения об авторе:** Кудреватых Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, Институт филологии, культурологи и межкультурной коммуникации.

**About the author:** Kudrevatykh Anastasia Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, Culture Study and Intercultural Communication.

**Место работы:** Уральский государственный педагогический университет.

**Place of employment:** Ural State Pedagogical University.

**Контактная информация:** 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.  
e-mail: folkloristica@yandex.ru.

Повесть «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803) является одним из последних художественных произведений в прозе, написанных Н. М. Карамзиным. Логика ее сюжета определяется развитием исторического конфликта между Московским государством и Новгородом. Повесть рассказывает о великой драме смиренного русского самодержавием города, о вольности и непокорстве, олицетворенном в образе названной в заглавии героини — сильной и властной женщины, величие которой проявилось в самые тяжкие дни как ее собственной жизни, так и жизни новгородцев.

В литературоведении нет единого мнения о степени глубины карамзинского историзма.

Так, по мнению Г. А. Гуковского, Карамзину не удалось выявить историческую обусловленность человеческого характера [Гуковский 1941: 74]. Персонажи «Марфы-посадницы» мало похожи на реальных нов-

городцев, они больше напоминают античных героев, республиканскими доблестями которых Карамзин восхищается в эстетическом плане: отвлеченная красота героини увлекает его сама по себе.

Иначе рассуждает Д. Д. Благой. С его точки зрения, произведение Карамзина с полным правом можно назвать исторической повестью, поскольку основное внимание уделено не изображению частной, личной жизни, но историческим событиям, политической проблематике, в произведении доминирует героический пафос [Благой 1955: 425].

В. И. Федоров не столь категоричен, он считает, что историзм в повести носит условный характер, поскольку история используется Карамзиным как «средство решения общественно политических вопросов современности» [Федоров 1957: 109—129]. Позиция этого исследователя близка С. Е. Подлесовой, по мнению которой, основной в повести является проблема характера, его

объяснения с помощью изображения исторических событий [Подлесова 2000: 160].

Одна из причин отмеченных нами разногласий в интерпретации художественного замысла «Марфы Посадницы» заключается в том, что, с одной стороны, исторические события действительно играют в сюжете важную роль. Писатель изначально акцентирует свою установку на их изображение во вступлении, написанном от имени издателя, где читаем следующее: «В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и — сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный... Все главные происшествия согласны с историею» [Карамзин 1964: 690].

С другой стороны, вопреки утверждениям вступления, изображены эти события не достоверно. Особенно заметна авторская субъективность при сравнении повести с соответствующими главами «Истории государства Российского». П. А. Орлов подробно рассмотрел расхождения между изложением исторических фактов в повести и в историческом сочинении Карамзина [Орлов 1977: 244—245]. Так, он заметил, что различна трактовка общественной жизни Новгорода в последние годы его вольности. В «Истории государства Российского» показана борьба между двумя партиями, из которых одна вполне открыто симпатизировала Москве, другая поддерживала сепаратистские планы Борецких. В «Марфе Посаднице» все выглядит иначе. Новгородцы показаны как дружный воинский стан, сплотившийся вокруг Марфы. Лишь по мере нарастания трудностей, когда на город обрушиваются и военные неудачи, и голод, люди, слабые духом, начинают требовать присоединения к Москве.

В «Истории...» Карамзин неоднократно пишет о тайных переговорах, которые вела Марфа с Литвой с целью окончательного разрыва с Москвой. Текст этого соглашения приводится в примечаниях к VI тому. В повести Борецкая гордо отвергает льстивые предложения литовского посла, предпочитая остаться без помощи, но не запятнать свою совесть изменой. В «Истории...» дважды приводятся примеры вероломства новгородцев в войне с Москвой, когда они, направляя к Иоанну послов для мирных переговоров, внезапно нападали на его войска. В повести военные действия Новгорода отличаются благородством и прямоотой. В «Истории...» пятитысячная московская рать одержала победу над сорокатысячным новгородским войском. В повести — совершенно иное соотношение: войско Иоанна значи-

тельно превышает силы новгородцев. Карамзин знал о том, что Иван III не казнил Марфу, а заточил ее в монастырь. В «Истории...» указаны и место ее заключения, и год ее вполне мирной кончины. В повести Борецкая погибает на плахе, обнаруживая при этом большое самообладание. Описание казни насыщено эффектными подробностями. Последние слова Марфы — «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою Новгородскою!..» [Карамзин 1964: 727] — звучат укором растерявшим республиканские доблести новгородцам.

По мнению С. Е. Подлесовой, все эти изменения продиктованы авторской задачей: «Писатель не только сумел героизировать Марфу, он стремился объяснить ее характер» [Подлесова 2000: 160]. Психологический анализ в повести, по мнению исследовательницы, оказывается тесно связан с изображением обстоятельств. Драма Марфы обусловлена объективной логикой истории, и чем обаятельнее внутренний облик героини, тем убедительней звучит итоговый вывод: через систему событий, через конфликт и логику развития художественного действия писатель проводит мысль о необходимости сильной, справедливой государственной власти. Однако Марфа одерживает моральную победу, несмотря на то, что потерпела политическое поражение: «В образе Марфы Карамзиным воплощена идея патриотизма, осознаваемая как верность идеалам свободы Новгорода, политические проблемы борьбы „вольного Новгорода“ с Москвой (республика или монархия) и гибель Марфы на эшафоте обретают в повести этический смысл...» [Сигида 2004: 327—344]. В связи с этим возникает вопрос о художественных средствах, позволяющих писателю решить поставленную задачу.

Исторический конфликт между республиканским Новгородом и самодержавной Москвой выражен в повести прежде всего в противопоставлении двух сильных характеров: Марфы и Иоанна. С самого начала заявлено моральное и этическое равновесие борющихся сторон: «Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новгороде воспаляла умы и сердца» [Карамзин 1964: 718]. Однако личного влияния оказывается недостаточно. Персонажи понимают, что для победы им необходима народная поддержка. Поэтому за народное мнение всё время ведется борьба, одним из главных способов которой становится ораторская риторика. Судя по комментарию издателя во вступлении, Марфа проиграла противнику не только как политик, но и как оратор: «И летописи и старинные пес-

ни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики» [Карамзин 1964: 680—681]. Нам данное замечание представляется принципиально важным для понимания художественной концепции характера Марфы. Марк Порций Катон Старший вошел в историю Древнего Рима не только как крупнейший политический деятель, сумевший завоевать огромный моральный авторитет среди сограждан благодаря последовательному и строгому следованию собственной четкой программе, но и как блестящий оратор, один из создателей теории красноречия, автор первой римской риторики. Его речи, получившие высокую оценку Цицерона, были популярны не только у современников, но обильно цитировались в более позднее время (вспомним хотя бы знаменитое «*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*» — «Карфаген должен быть разрушен»). Итак, Марфа попыталась сыграть в жизни Новгорода роль Катона, но неудачно. В чем же причина ее поражения? Ответ на наш вопрос дает сопоставительный анализ двух публичных выступлений, данных в самом начале повести, — князя Холмского (представителя Иоанна) и Марфы. Каждый из говорящих стремится и логикой, и красноречием, и гражданской страстностью склонить на свою сторону народ, и после каждой речи Карамзин сообщает о реакции слушателей.

Князь Холмский в своей речи обращается к разуму и логике новгородцев. Он приводит аргументы в пользу законной власти и величия князей русских: «Великий Новгород всегда был десницею князей великих, когда они славили делами имя русское. Олег под щитом новгородцев прибил щит свой к вратам цареградским. Святослав с дружиною новгородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия, и внук Ольгин вашими предками был прозван Владетелем мира...» [Карамзин 1964: 683]. Но Холмский говорит не только о прошлом. Он подтверждает величие Иоанна его нынешними делами и подвигами: «Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших. Дуга мира и завета воссияла над могилами князей Георгия, Андрея, Михаила. Небо примирилось с нами и мечи татарские иступились... Дмитрий, поразив Мамаю, не освободил России; Иоанн все предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской... Такому ли государю не славно

повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров?» [Там же: 685—686]. В своей речи боярин аргументированно, с опорой на конкретные факты доказывает политическую перспективность власти Иоанна, цель которого — стремление объединить страну для укрепления ее силы и освобождения от внешнего врага.

Появляется его оппонент — Марфа. И облик, и поведение Борецкой отражают ее внутреннюю силу и величественность: «Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: „Марфа! Марфа!“ Она всходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала...» [Там же: 687]. Такой мы впервые встречаем ее в повести.

Какие же средства выбирает героиня, чтобы нейтрализовать воздействие Холмского на души и умы новгородцев? Оказывается, что выбор весьма примечателен.

Во-первых, она вроде бы, как и Холмский, обращается к исторической памяти слушателей. Но если ее оппонент оперирует конкретными фактами, достоверность которых задокументирована, то Марфа апеллирует к полуполюгендарным временам, образам, память о которых плохо сохранилась, а потому есть возможность весьма субъективной их интерпретации: «Вадим! Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя в свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моей кровию. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы, я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот мое право быть защитницей вольности! Оно куплено ценою моего счастья...» [Там же: 687]. Как известно, в русских летописях сохранились весьма скудные сведения о Вадиме, суть его конфликта с Рюриком не ясна, а потому возникает возможность придать ему практически любой смысл, а при соответствующей подаче эмоции слушателей могут быть весьма сильно возбуждены. Фактически Марфа таким образом манипулирует сознанием аудитории: «Но когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим храбрый звал его пред суд народа. „Меч и боги да будут нашими судиями!“ — отвечивал Рюрик, — и Ва-

дим пал от руки его, сказав: „Новгородцы! На место, обогренное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие — и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших...“» [Там же: 688]. Никто из слушателей не был свидетелем гибели Вадима, были ли сказаны им те слова, которые приписывает ему Марфа, — неизвестно, ни доказать, ни опровергнуть данный аргумент невозможно.

Таким образом, мы обнаружили в речи героини прием, который специалистами классифицируется как демагогический. Сошлемся на его характеристику, данную в работе Ю. Л. Нестеренко: «Самый „солидный“ способ „доказательства“ реально бездоказательных утверждений — это приведение ссылок на источники. Источники могут быть неконкретными („иностранцы специалисты доказали“), ненадежными („мой сосед говорил“, публикации в бульварной прессе, мнения специалистов в других областях), устаревшими <...> или, в наиболее наглом и злонамеренном случае, просто вымышленными (сюда же относится и ситуация, когда сам источник реален, но якобы цитируемой информации не содержит)» [Нестеренко]. Марфа все свои «исторические» аргументы строит на примерах из древних времен. Свидетелями этих событий не был ни один из присутствующих людей, документальных сведений о них не сохранилось, поэтому доказать или опровергнуть эти факты невозможно.

Еще одна особенность речи Марфы, заметная в процитированном отрывке — стремление воздействовать не столько на разум, сколько на эмоции слушателей. Она стремится побудить народ к протесту против посягательств на независимость, желание отстоять свою вольность. Каким образом она это делает?

Во-первых, она довольно открыто льстит согражданам, подчеркивает достоинство новгородцев и славу их предков: «Потомки славян великодушных! Вас называют мятежниками!.. За то ли, что вы подъяли из гроба славу их? Они были свободны, когда текли с востока на запад избрать себе жилище во вселенной, свободны подобно орлам, парившим над их главой в обширных пустынях древнего мира...» [Карамзин 1964: 687].

Возбуждению аудитории способствует активное использование эмоционально окрашенных терминов: «О воины *великодушные*! Вы идете спасти отечество и навеки утвердить благие законы его...» [Там же: 709]; «Не мы, о *россияне несчастные*, но всегда любезные нам братья! Не мы, но вы нас оставили, когда пали на колена пред гордым ханом» [Там же: 690]. Как отмечает

Ю. Л. Нестеренко, данный прием позволяет создать у аудитории предвзятое мнение о доводах противника (реже — о своих собственных) путем использования уничижительных (восхваляющих) терминов вместо нейтральных: «В принципе, все дискредитационные приемы так или иначе основаны на апелляции к эмоциям вместо разума, но приемы этого вида реализуют это в наиболее явной форме: напрямую утверждается, что согласиться с аргументами оппонента нельзя по чисто эмоциональным причинам» [Нестеренко].

Еще один прием, позволяющий оценивать речь Марфы как демагогическую, — запугивание слушателей последствиями: «В этом случае демагог обычно даже не пытается отрицать истинности аргументов оппонента — он лишь упирает на то, что признание этой истинности будет якобы иметь неприемлемо тяжелые последствия» [Там же]. Марфа очень эмоционально обрисовывает ужасную картину последствий потери независимости новгородской: «Но если Иоанн говорит истину, если и в самом деле гнусное корыстолюбие овладело душами новгородцев, если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности, и вечевой колокол, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда мы позавидуем счастью народов, которые никогда не знали свободы... Но знай, о Новгород! Что с утратой вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы... Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные концы твои, широкие улицы зарастут травой, и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов» [Карамзин 1964: 692—693].

Такая перспектива вызывает бурную гневную реакцию новгородцев, звучат возгласы: «„Нет, нет! Мы все умрем за отечество! — восклицают бесчисленные голоса. — Новгород государь наш! Да явится Иоанн с воинством!“» [Там же: 693].

Чтобы усилить эмоциональный эффект своей речи, героиня подкрепляет его выразительными действиями: «Марфа, стоя на Вадимовом месте, веселится действию ее речи. Чтобы еще больше восpalить умы, она показывает цепь, гремит ею в руке своей и бросает на землю: народ в исступлении гнева попирает оковы ногами, взывая: „Новгород — государь наш! Война, война Иоанну!“» [Там же: 693].

По сути Борецкая обрисовывает только два возможных варианта развития событий — либо Новгород остается вольным городом,

либо теряет свою свободу под властью Иоанна и тем самым опозорит себя и будет уничтожен. В данном случае она использует некорректную дихотомию: «Чаще всего некорректная дискретизация <...> встречается в наиболее простой (и, соответственно, „доходчивой“) форме дихотомии — разбиения лишь на две альтернативы <...> из всего множества возможных альтернатив отбираются две, как правило — крайние („или полная вседозволенность — или тоталитарная тирания“») [Нестеренко].

Наконец, Марфа применяет еще один прием демагога — некорректное следствие: «Самый простой вариант некорректного следствия — это конструкция „если А, то Б“, в которой на самом деле Б вовсе не следует из А. Например, „если не будет религии, ничто не удержит людей от аморальных поступков“ (в то время как мораль — социальный институт, совершенно не обязательно завязанный на религию)» [Там же]. Если Новгород подчинится Иоанну, то город ожидают ужасные беды, оскудение, и померкнет слава его.

Таким образом, наш анализ позволил квалифицировать речь Марфы как демагогическую. На определенное время оратор достигает своей цели, воодушевляя новгородцев. Однако заканчивается всё для героини весьма печально: потеряв поддержку сограждан, она терпит поражение в своей борьбе с Иоанном.

Почему же народ оставляет именно того персонажа, дело которого исторически бесперспективно? Ответ на данный вопрос дается в духе просветительской идеологии. Народ, по мысли Карамзина, большая сила, но такая, которая требует постоянного руководства; это исполин, наделенный детской душой и детским разумом. К данной мысли писатель неоднократно возвращается в своей повести. «Народ слаб и легкомыслен, — поучает Марфу ее муж Исаак Борецкий, — ему нужна помощь великой души в важных и решительных случаях» [Карамзин 1964: 703]. На непостоянство и неблагодарность новгородцев жалуется и сама Марфа. «...Давно ли, — думает она, — сей народ славил Марфу и вольность? Теперь он увидит кровь мою и не покажет слез своих...» [Карамзин 1964: 724]. И действительно, когда московское войско вошло в Новгород, «народ, всегда любопытный, забыл на время судьбу Марфы: он спешил навстречу к Иоанну» [Там же: 724].

Причина поражения Марфы в том, что она использует в своей борьбе за народную поддержку весьма сомнительные средства. Фактически Карамзин показывает нам два

типа политиков: демагога (Марфу) и рационалиста-практика (Холмского). Приемы демагога (Марфы) оказываются действенными только сиюминутно, находят поддержку аудитории на эмоциональном уровне, но народ отворачивается от такого политика, когда под влиянием новых впечатлений старые эмоции вытесняются новыми, когда в силу вступает разум. Новгородцы, столкнувшись с голодом и смертью, забывают о чувствах, возбужденных в их сердцах пламенной речью Марфы. Посадница оказывается без поддержки горожан и погибает. Почему же эта сильная, яркая, безусловно героическая личность обращается к демагогии? Думается, ответ кроется в объективной логике обстоятельств. Политика Иоанна исторически перспективна. Позиция Марфы исторически проигрышная, героиня вынуждена оперировать сомнительными средствами, поскольку безжалостная логика событий противоречит ее политической позиции. Катоны только тогда становятся духовными лидерами, когда их субъективные усилия совпадают с вектором исторического процесса, но в этом случае они не нуждаются в демагогических приемах.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII в. — М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1955.
2. *Гуковский Г. А.* Карамзин и сентиментализм // История русской литературы. — М.; Л.: АН СССР, 1941. Т. 5.
3. *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. — М.; Л.: Худож. лит., 1964.
4. *Нестеренко Ю. Л.* Демагогия. Классификация демагогических приемов с примерами и советами по противодействию. URL: [http://fan.lib.ru/n-nesterenko\\_j\\_l/text\\_0610.shtml](http://fan.lib.ru/n-nesterenko_j_l/text_0610.shtml) (дата обращения: 28.01.2014)
5. *Орлов П. А.* Повесть Н. М. Карамзина «Марфа-Посадница» // Русская литература. 1968. № 2. С. 199—200.
6. *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. — М.: Изд-во МГУ, 1977.
7. *Подлесова С. Е.* Исторические повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»: особенности жанра, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2000.
8. *Сигида Л. И.* Об истоках разочарования и скепсиса героев Карамзина // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства. — М.: Экон-информ, 2004. С. 327—344.
9. *Федоров В. И.* Историческая повесть Н. М. Карамзина «Марфа-посадница» // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина / под ред. А. И. Ревякина. — М.: МГПИ, 1957. Т. 47, вып. 6. С. 109—129.

*Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Ложкова.*